

RU

Формирование позиции британской дипломатии в ходе подготовки переговоров с эмиром Афганистана: октябрь-ноябрь 1904 г.

Симонов К. В.

Аннотация. Цель исследования - проанализировать формирование позиции британской дипломатии на этапе подготовки переговоров между эмиром Афганистана Хабибуллой-ханом и представителем вице-короля Индии Л. Дэном в контексте развития англо-афганских отношений начала XX века. Научная новизна исследования заключается в анализе малоизвестных событий из истории внешнеполитического противоборства Великобритании и Афганистана, связанных с подготовкой визита британской дипломатической миссии в Кабул в октябре-ноябре 1904 г. В результате доказано, что внешнеполитические планы Великобритании были нацелены на значительное расширение английского военного присутствия во владениях эмира, а в недалекой перспективе - и подчинение Афганистана интересам Великобритании на Среднем Востоке.

EN

Formation of the UK Diplomatic Position during Preparation for Negotiations with the Emir of Afghanistan (October-November 1904)

Simonov K. V.

Abstract. The paper analyzes the formation of the UK diplomatic position during preparation for negotiations between Emir of Afghanistan Habibullah Khan and the representative of viceroy of India L. Dan. Politicians' views are examined in the context of the Anglo-Afghan relations at the beginning of the XX century. The author reveals some little-known facts from the history of political confrontation between Great Britain and Afghanistan, reconstructs the events that preceded the visit of the British diplomatic mission to Kabul in October-November 1904, and herein lies scientific originality of the study. As a result, it is proved that the British foreign policy was aimed to broaden the British military presence in Afghanistan with a view to achieve full control over the country.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена вниманием к политике британских властей, добивавшихся в начале XX столетия расширения военно-политического присутствия Англии в Афганистане. Планируя превратить его территорию в зону своего исключительного влияния, англо-индийские колониальные власти усилили нажим на эмира Хабибуллу-хана, что привело к весьма быстрому нарастанию напряженности в отношениях с Кабулом. Для снятия хотя бы части возникших противоречий и относительной нормализации англо-афганских контактов предполагалось провести переговоры с правителем Афганистана. Британская сторона при этом не оставляла надежд на укрепление своих военно-политических позиций в его владениях.

Заявленная проблематика до сих пор не получила достаточного освещения в отечественной исторической науке и представляет немалый исследовательский интерес с точки зрения анализа влияния афганского вопроса на восточную политику Англии в начале XX века.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, проанализировать предложения министров англо-индийского правительства по афганскому вопросу; во-вторых, рассмотреть точку зрения британского кабинета касательно развития отношений с Афганистаном; в-третьих, оценить совокупную позицию британских правящих кругов с учетом военной и дипломатической составляющей их интересов в Афганистане.

Для осмысления заявленной проблематики в статье применяются следующие методы исследования: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный. Исследование построено на принципе историзма, предполагающем рассмотрение всех процессов и явлений в их развитии, установление общих закономерностей при анализе конкретных фактов.

Теоретической базой исследования послужили работы зарубежных (Л. Адамек [5], Д. Сингхал [9], А. Билграми [6], Дж. Трипатхи [10], Д. Дилкс [7]) и отечественных авторов (В. И. Мендельсон [2], П. И. Остриков [3]), в которых рассматриваются проблемы развития англо-афганских отношений начала XX века и, в частности, планы британских властей использовать Афганистан как стратегический передовой пункт имперских позиций на Среднем Востоке.

Практическая значимость исследования заключается в возможности дальнейшего использования его результатов для написания обобщающих научных работ по истории международных отношений в Новое время.

Позиция англо-индийских колониальных властей в отношении Афганистана

Напряженность в отношениях между англо-индийским правительством и властями Афганистана набирала силу с момента прихода к власти в Кабуле Хабибуллы-хана. Молодой эмир отказался санкционировать начало строительства железных дорог и телеграфа, выступал против размещения английского воинского контингента в своих владениях. В ответ британские власти временно прекратили выплату денежной субсидии и установили запрет на поставки оружия в Афганистан через подконтрольные им территории. Однако для исправления ситуации таких мер оказалось недостаточно. Упорство английских политиков и несговорчивость эмира постепенно заводили их отношения в тупик. В этих условиях Дж. Эмпфил, возглавивший англо-индийскую колониальную администрацию на время пребывания вице-короля Индии Дж. Керзона в Лондоне, занял более гибкую позицию. Он рекомендовал Хабибулле-хану напрямую обсудить все имеющиеся спорные вопросы с официальным английским представителем. В качестве места ведения переговоров предлагалась афганская столица Кабул. Эмир выразил свое согласие с данной инициативой.

В октябре руководители ключевых департаментов колониальной администрации Дж. Эмпфила высказали целый ряд предложений, касавшихся содержания нового англо-афганского договора, который планировалось подписать в Кабуле. С точки зрения Д. Сингхала, такой подход демонстрировал «серьезные изменения в афганской политике Индии», поскольку ранее ее политические круги «неизменно отвергали просьбы эмира о заключении официального договора, так как не хотели оформлять союз с правителем, чья лояльность Британии оставалась сомнительной» [9, р. 171].

По мнению другого индийского исследователя, А. Билграми, готовность английской стороны подписать соглашение с эмиром в тот момент диктовалась опасениями военных по поводу возможности «стремительного продвижения России через Афганистан к Индии» [6, р. 253]. Чтобы обезопасить границы британских владений, главнокомандующий англо-индийской армией генерал Г. Китченер предложил Дж. Эмпфилу заключить военный союз с Афганистаном. Его план предусматривал подписание специальной конвенции и получение согласия эмира на постоянное присутствие английских офицеров в стратегически важных центрах Афганистана в мирное время, а также возможность ввода британских войск на его территорию в случае начала военных действий против России. Генерал ратовал также за расширение сети транспортных коммуникаций в пограничных районах между Индией и Афганистаном и строительство железных дорог непосредственно на его территории [5, р. 42].

Г. Китченер свои предложения рассматривал как окончательные, указав, что в случае нежелания Хабибуллы-хана подписать соглашение на поставленных условиях английская сторона должна будет отказаться от поиска компромиссного решения, «передав Афганистан во власть естественного и неизбежного процесса поглощения Россией и Британией» [Ibidem, р. 41]. Вице-король, однако, не полностью принял точку зрения своего главнокомандующего. Он прекрасно понимал, что «враждебные отношения с Афганистаном усилят недовольство пуштунских племен» на индийской северо-западной границе и заставят англичан «воевать... на два фронта» [Ibidem, р. 42].

Дж. Эмпфил в деталях обсудил инициативы Г. Китченера с министрами своего Исполнительного совета, и к середине октября 1904 г. была сформирована единая позиция англо-индийского кабинета по ситуации в Афганистане. В ближайшем окружении вице-короля надеялись подтвердить сохранение контроля над внешней политикой эмира, получить его согласие на проведение работ по улучшению и развитию дорожной сети в пределах Афганистана, а также выдвинули условие, что в случае начала военных действий против России Хабибулла-хан немедленно начнет строительство железных дорог в своих владениях и позволит британским офицерам разместиться в крупных городах Афганистана, административных центрах провинций и крепостях на границе. Кроме того, Дж. Эмпфил, в отличие от своих генералов, исходил из того, что альтернативы подписанию нового соглашения с афганским правителем нет. 21 октября вице-король направил на рассмотрение лондонского правительства подготовленный проект документа. В нем содержались следующие предложения:

1. Индия и Афганистан сохраняют и развивают дружественные, союзнические отношения и заявляют об отсутствии каких-либо агрессивных планов друг против друга.
2. Договаривающиеся стороны обязуются соблюдать линию индо-афганской границы.

3. Эмир Афганистана строит свою внешнюю политику при посредничестве английских властей и принимает разработанный ими план совместных действий на случай внешней агрессии.

4. Великобритания ежегодно выплачивает афганскому государству или лично его правителю увеличенную денежную субсидию. Полученные средства могут использоваться только для финансирования закупок оружия и военного снаряжения, содержания армии, строительства оборонительных укреплений.

5. Хабибулла-хан гарантирует, что приобретенное им вооружение и снаряжение не будут передаваться пуштунским пограничным племенам.

6. Эмир допускает присутствие в его владениях офицеров британской армии и не будет препятствовать строительству стратегических коммуникаций и оборонительных сооружений по обе стороны границы.

7. Налаживаются более тесные дипломатические контакты. Британским представителям разрешается находиться если не в столице Афганистана, то, по крайней мере, в Сеистане и в северных пограничных провинциях.

8. Обещать эмиру присутствие его посланника при британском королевском дворе.

9. Отдельно оговариваются условия развития двусторонних торговых отношений [Ibidem, p. 44-45].

Однако Дж. Эмпфил, направив свои предложения на рассмотрение лондонского правительства, не предоставил никаких конкретных разъяснений относительно того, как именно он считает возможным склонить эмира к подписанию документа, условия которого серьезно меняли сложившиеся за предшествующие десятилетия основы англо-афганских отношений. Действующий вице-король, по сути дела, предложил потребовать от Хабибуллы-хана дополнительных значительных уступок, практически ничего не предлагая тому в виде компенсации.

Правительство Великобритании обратило внимание на то, что в предложениях англо-индийских властей не только отсутствует необходимая конкретика относительно планов практической реализации заявленных инициатив, но также при анализе ситуации допущена недооценка ряда важных факторов, напрямую затрагивающих интересы Англии, в частности, отношений Афганистана с пуштунскими приграничными племенами. Как отмечал А. Билграми, «в Лондоне сомневались, что эмир с готовностью примет такое соглашение» [6, p. 254]. Министр иностранных дел Г. Ленсдаун, в частности, полагал, что «даже если Хабибулла-хан согласится со схемой, предложенной генералом Китченером, воинственные настроения племен гарантируют значительные сложности в ходе ее осуществления». Более того, британское правительство сделало заключение, что усиление афганских войск, спланированное Дж. Эмпфилом, создаст прямую опасность интересам империи, поскольку, как указал тот же Г. Ленсдаун, «нет стойкой убежденности, что эмир останется верен нам в любой обстановке» [5, p. 45].

Лондонские министры, в отличие от окружения вице-короля, усматривали ценность Афганистана не столько в его армии, пусть даже усиленной британскими офицерами-советниками или отдельными воинскими формированиями, сколько в естественном географическом положении этой страны, превратившем ее в настоящий барьер на пути возможной российской агрессии [2; 3]. И, наконец, Г. Ленсдаун и министр по делам Индии В. Бродрик понимали, что, «если эмир не прекратит противодействовать внешнему давлению, Британии надо будет смягчить свои требования, что приведет к падению ее авторитета или полному разрыву с Кабулом» [5, p. 46]. С учетом подобной перспективы, английское правительство не находило веских оснований для пересмотра существующей системы отношений с Афганистаном [6, p. 254].

5 октября 1904 г. свой проект указаний руководителю дипломатической миссии, направляемой в Кабул, представил формальный глава англо-индийской колониальной администрации Дж. Керзон. В личном письме В. Бродрику он определил перечень и конкретное содержание вопросов, которые требовалось обсудить на переговорах, и уточнил позицию по ним, которую должен был занять британский представитель. По его мнению, последний «должен говорить (с эмиром. – К. С.) открыто и по-дружески, без негатива. Тема строительства железных дорог не должна подниматься. Действие соглашения 1880 г. можно продлить в форме личного контракта с Хабибуллой... Афганские военные на границе должны вести себя менее агрессивно; контакты с афридиями и другими племенами за линией Дюранда следует прекратить. Долг в 400000 рупий может стать разовой дополнительной выплатой эмиру». Касаясь положений военной конвенции, на которой настаивал Г. Китченер, Дж. Керзон предложил: «...в том случае, если Хабибулла сочтет возможным сразиться с русскими войсками без посторонней помощи, не нужно настаивать на своей нежелательной поддержке, но действовать наиболее удобным для нас образом». С его точки зрения, эти инициативы должны были быть учтены и приняты эмиром, но в случае, если он все же откажется от них, вице-король склонен был «обойтись без всякого соглашения и... самостоятельно искать решение существующих проблем» [7, p. 153].

Отношения с Афганистаном в планах британского правительства

По итогам обсуждения британский кабинет частично согласился с предложениями Г. Китченера и Дж. Эмпфила. С их учетом, но опираясь в основном на мнения Г. Ленсдауна и В. Бродрика, а также позицию Дж. Керзона, был разработан «Меморандум», который содержал инструкции по ведению переговоров с эмиром. Он был адресован Льюису Дэну, главе департамента иностранных дел англо-индийской колониальной администрации, которому поручалось непосредственное руководство британской дипломатической миссией, направляемой в Кабул.

Согласно этому документу, основной целью пребывания Л. Дэна в Афганистане являлось «достижение дружеского взаимопонимания с эмиром» и «снятие противоречий в отношениях между двумя правительствами».

Английскому представителю указано было «вести переговоры с Хабибуллой, как с союзником и другом», «проводить идею о том, что цели, интересы и враги у двух стран являются общими, и, следовательно, их отношения должны основываться на согласии и взаимопонимании» [10, р. 175]. Л. Дэн получил установку честно и открыто объясняться с эмиром по любому дискуссионному вопросу и тем самым вызвать у него ответную откровенность. Основываясь на этих положениях «Меморандума», Л. Адамек пришел к выводу, что британскому дипломату было дано указание «не настаивать на уступках, которые несовместимы с достоинством кабульского правителя или противоречат его политическим устремлениям» [5, р. 46]. Попытаемся разобраться, верно ли подобное заключение американского исследователя?

С одной стороны, лондонский кабинет действительно исходил из того, что «если эмир не выскажет готовность к рассмотрению... вопроса о строительстве железных дорог и телеграфа, не следует оказывать нажим на него». Аналогичным образом в инструкциях содержалась установка «не настаивать на длительном присутствии англо-индийских офицеров в какой-либо точке Афганистана». В то же время Л. Дэн должен был оговорить возможности и условия «периодических визитов» британских военнослужащих в эту страну [10, р. 176-177]. По части конкретных форм оказания военной помощи афганскому эмиру лондонское правительство практически полностью поддержало точку зрения Дж. Эмпфила и Г. Китченера, приказав своему представителю обсудить на переговорах в Кабуле вопрос об участии английских офицеров-инструкторов в подготовке афганской армии к возможной войне с Россией. Руководитель дипломатической миссии должен был аргументированно доказать эмиру, что собственных экономических и людских ресурсов Афганистану в данный момент недостаточно для того, чтобы уверенно отражать удары царских войск, а потому следует напрямую использовать английскую военную поддержку.

Британские министры совершенно откровенно обозначили в «Меморандуме» и значение ежегодных денежных выплат со стороны англо-индийского правительства Хабибулле-хану: «Наша цель – с помощью субсидий привязать эмира к себе корыстными интересами». В этой связи планировалось: если глава Афганистана на переговорах примет английские предложения, следует «выплатить ему сумму, составляющую задолженность по субсидии, которая образовалась в период с октября 1901 г. по октябрь 1904 г.», продолжить дальнейшие ежегодные выплаты самой субсидии, а также позволить эмиру «в разумных количествах» импортировать оружие, боеприпасы и военное снаряжение [Ibidem, р. 187].

Меморандум Л. Дэну также включал перечень вопросов, которые необходимо было обсудить и согласовать в процессе переговоров до заключения соглашения. По ним требовалось добиться нужных английской стороне решений, но в текст самого договора их можно было формально не вносить якобы под предлогом незначительности. В этом заключалась жутьническая уловка британской дипломатии: убедить эмира принять хотя бы часть правительственных предложений первоначально без документальной фиксации. В частности, предполагалось завершить демаркацию линии индо-афганской границы в землях пуштунского племени момандов и согласовать с эмиром прокладку новых железнодорожных линий в сторону Дакки и Шилмана, а также вблизи Хайбера и в долине Куррам. «Эти работы необходимо осуществить в целях укрепления системы защиты наших индийских рубежей и для своевременной переброски войск на помощь эмиру», – разъяснялось в инструкциях Л. Дэну [Ibidem, р. 182]. От Хабибуллы-хана, кроме того, надлежало затребовать обязательства отказаться от предоставления помощи пуштунам за «линией Дюранда», предотвращать любые враждебные акции со стороны афганских пограничников и лично извещать вице-короля Индии о каждой договоренности по закупкам вооружения за границей [Ibidem, р. 183].

Касательно формального определения договаривающихся сторон в новом соглашении, лондонское правительство полагало наиболее удобным подписание его лично с Хабибуллой-ханом, а не с афганским государством. Как следует из Меморандума Л. Дэну, британские министры были уверены, что в этом случае «отношения между Великобританией и Афганистаном явятся всему миру в том виде, который не позволит их неверно толковать или открыто игнорировать» [Ibidem]. Кроме того, английские политики надеялись, что заключение нового договора с эмиром будет способствовать формированию вокруг них в Персии, Турции и других исламских странах привлекательного образа «защитников интересов афганцев» [Ibidem, р. 187].

Таким образом, вряд ли можно согласиться с выводами историка Л. Адамека о подлинном содержании и характере условий, выдвинутых британским правительством эмиру Афганистана. Фактически каждый параграф инструкции, определявшей линию поведения и конкретные инициативы английских дипломатов на переговорах в Кабуле, включал предложения, несовместимые ни с достоинством афганского правителя, ни с целями его политики. В первую очередь, это касается тех британских предложений, которые обязывали Хабибуллу-хана отказаться от поддержки единоверцев в зоне пуштунских племен на северо-западной границе Британской Индии, допустить англо-индийских офицеров колониальных войск в части афганской армии на правах инструкторов и советников, не препятствовать строительству английскими военными инженерами железных дорог в районах, непосредственно прилегающих к границам Афганистана, согласиться импортировать вооружение на новых ограничительных условиях и, наконец, сохранить полный британский контроль над внешней политикой афганского государства.

Разработчики Меморандума Л. Дэну исходили из того, что все эти требования должны быть приняты эмиром в ходе переговоров. В случае же возникновения споров, проявления неуступчивости со стороны Хабибуллы-хана, его противодействие сравнительно легко можно будет преодолеть, считали они, выступив с предложением встретиться с вице-королем Индии, «чтобы услышать от него лично точку зрения Правительства».

Дж. Бродрик, Дж. Керзон и другие британские политики считали, что Хабибулла-хан в этом случае «безоговорочно примет» все предложенные ему условия «из страха, что получит куда более худшие» [Ibidem].

Следует заметить, что информация о подготовке к реализации британскими властями новых мероприятий в отношении Афганистана очень интересовала российскую сторону, и вскоре отдельные отрывочные данные на этот счет стали поступать по линии внешнеполитического и военного ведомств. В частности, политическому агенту в Бухаре Я. Я. Лютшу в октябре 1904 г. стало известно о приезде в Кабул британского офицера с предложением к афганскому эмиру «передать Мазари-Шариф англичанам» и «предоставить им право содержать там гарнизон» для контроля северной границы Афганистана [1, д. 746, л. 14]. Российские представители в Великобритании – посол А. К. Бенкендорф и военный агент генерал-майор Н. С. Ермолов – сообщали в Петербург «о мероприятиях Англии по усилению и реорганизации афганской армии», а также о планах использования войск эмира для обороны индийских границ [Там же, л. 55, 98-101].

Интересно, что «копии и извлечения» из записок, направленных Дж. Керзоном и Г. Китченером лондонскому кабинету, практически сразу «негласным путем» стали известны начальнику Главного управления Генерального штаба русской армии генерал-лейтенанту Ф. Ф. Палицыну. Знакомство с этими документами не оставило у него никакого сомнения в том, что пребывание миссии Л. Дэна в Кабуле преследует цель настроить Афганистан против России, чтобы тем самым обезопасить границы Индии [4]. Очень точно высказался о военно-политических планах Англии в отношении Афганистана консул Германии в Калькутте К. Квадт. В письме на имя канцлера Б. фон Бюлова 26 октября 1904 г. он указал: «Главная цель миссии сводится к тому, чтобы побудить эмира осуществить под руководством британских советников такие мероприятия военного характера, которые сделали бы невозможным продвижение русских через Афганистан» [8, р. 185].

Непосредственно накануне прибытия британской дипломатической миссии эмир приказал осуществить ряд мероприятий с целью противодействия растущей внешней угрозе. Во все крупные афганские города были направлены религиозные проповедники. Они должны были внушать населению мысль, «что Афганистан со всех сторон окружен неверными», и «что, в случае их вторжения, каждому афганцу лучше умереть, чем видеть свою землю в руках врагов» [1, д. 746, л. 34]. По указаниям Хабибуллы-хана производились новые наборы в армию и усиливались войсками крепостные гарнизоны на русской и индийской границах. Эмиссары из Кабула активизировали контакты с пуштунскими лидерами в полосе племен. Афридиям, в частности, были организованы поставки оружия и боеприпасов, что позволило им в октябре – ноябре 1904 г. организовать серию нападений на гарнизоны колониальных войск в районе Пешавара и в долине реки Куррам.

Раздражение англо-индийских властей политикой эмира быстро нарастало. В этих условиях 12 декабря 1904 г. миссия Л. Дэна прибыла в Кабул. Начались переговоры, итогом которых явилось подписание 21 марта 1905 г. нового англо-афганского договора.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что британские власти рассчитывали склонить эмира Афганистана к пересмотру традиционных форматов и ключевых условий двустороннего взаимодействия, результатом чего явилось бы значительное расширение английского военного присутствия, а – в перспективе – и фактическое подчинение Афганистана интересам Великобритании на Среднем Востоке.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в привлечении новых исторических источников, в том числе из российских архивов, и использовании работ зарубежных авторов для изучения влияния афганского вопроса на внешнюю политику великих держав в начале XX века.

Источники | References

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 485.
2. Мендельсон В. И. Англо-русские противоречия в Афганистане в начале XX в. // Исторические записки. М.: Наука, 1969. Т. 83. С. 244-258.
3. Остриков П. И. Британская агрессия в Афганистане в начале XX века // Ученые записки Курского государственного педагогического института. 1969. Вып. 60. Вопросы истории и краеведения. С. 144-161.
4. Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом (СКССТВО). Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1904. Вып. 59.
5. Adamec L. W. Afghanistan. 1900-1923. A Diplomatic History. L. A.: University of California Press, 1965. 245 p.
6. Bilgrami A. Afghanistan and British India. 1793-1907. A Study in Foreign Relations. New Delhi: Sterling Publishers, 1972. 360 p.
7. Dilks D. Curzon in India: in 2 vols. L.: Hart-Davis, 1970. Vol. 2. Frustration. 307 p.
8. German Diplomatic Documents. 1871-1914. N. Y. - L.: Barnes & Noble, 1969. Vol. 3. 441 p.
9. Singhal D. P. India and Afghanistan. 1876-1907. A Study in Diplomatic Relations. Queensland: University of Queensland Press, 1963. 216 p.
10. Tripathi D. P. Indo-Afghan relations. 1882-1907. New Delhi: Kumar Bros., 1973. 203 p.

Информация об авторах | Author information

RU

Симонов Константин Викторович¹, к. ист. н., доц.

¹ Воронежский государственный институт физической культуры

EN

Simonov Konstantin Viktorovich¹, PhD

¹ Voronezh State Institute of Physical Training

¹ ksimonov76@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Великобритания; Афганистан; англо-индийское правительство; колониальная политика; внешняя политика; Great Britain; Afghanistan; Anglo-Indian government; colonial policy; foreign policy.